

IMITATIO FREUDI (КРИТИЧЕСКИЙ ПАНЕГИРИК)

А.И.СОСЛАНД*

В статье рассматривается роль психоанализа в истории психотерапии. Обсуждаются проблемы легитимности, эффективности, институционализации психоанализа. Разбирается круг проблем, связанных с современным его состоянием. Особое внимание уделяется роли психоанализа в современном культурном контексте. Критически анализируется роль идей З.Фрейда в структуре кризисных феноменов современности. Обсуждается своеобразие профессионального сообщества в психотерапии.

Ключевые слова: Фрейд, психоанализ, история психотерапии, сообщество, желание, сексуальность, легитимность.

...ничто не охватывает человеческую реальность так полно, как фрейдовский опыт.

Ж.Лакан (Лакан, с. 11)

Он – наше всё

В этом году 6 мая исполнилось 150 лет со дня рождения Зигмунда Фрейда. Важность этой фигуры в истории психологии и в истории культуры переоценить на самом деле невозможно, даже если мы перечислим все его невероятные заслуги. Значение работ *Дедушки*¹, полагаем мы, невозможно адекватно оценить, если рассматривать их только изнутри психоанализа и психоаналитического сообщества. Бесспорно, он является

* **Сосланд Александр Иосифович** – старший научный сотрудник Института Русской антропологии при РГГУ, доцент МГППУ, автор книги «Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии» (М., 1999), чл. редсовета МПЖ.

¹ Grossvaeterchen – Дедушка – обиходное прозвище Фрейда в психоаналитическом сообществе.

создателем профессии психотерапевта как таковой, безотносительно к отдельным школам и направлениям. Невозможно полностью понять его значение, если исходить и только из психотерапии. *Фрейд – один из тех, кто создал современное состояние культуры, вообще современный жизненный и интеллектуальный стиль.* Именно большой культурный контекст – мировое пространство создает соответствующую рамку для масштаба его личности.

Он фальсифицировал истории болезни

Начнем с печальной правды. Научная честность и герой нашей статьи не всегда жили в мире и согласии. Его готовность к беспристрастному анализу собственных построений, к восприятию адекватной критики, к независимой экспертной верификации своих открытий была, мягко говоря, неполной. В сегодняшнюю пору – в эпоху так называемой доказательной медицины его последователям приходится преодолевать многочисленные сложности, связанные с легитимацией, экспериментальным подтверждением, официальным научным признанием почти всех его открытий. Психоанализ был сформирован вовсе не в спокойной и достойной академической университетской атмосфере, а, со стороны, в весьма подозрительной беспокойной компании любителей, которую являло собой раннее психоаналитическое сообщество.

Как и многие другие психотерапевты после него, он весьма ошутимо завывал успехи своей терапевтической деятельности. Многочисленные свидетельства в пользу этого обстоятельства не вызывают сомнений. Известны разоблачения К.Обхольцер, которой знаменитый пациент Фрейда, известный как «Человек-волк», на склоне лет рассказал, что и сами описания терапии не соответствовали действительному положению дел, и катамнез был далек от желаемого благополучия. Существует немало и других историй, которые ставят под сомнение добросовестность основателя психоанализа, равно как и многих его последователей, или, лучше сказать, не оставляют никаких сомнений на этот счет (об этических недоразумениях в психоанализе см.: *Мекаччи, 2004*).

Та же склонность отмечается и у психотерапевтов сегодняшнего дня. Современные исследования эффективности в психотерапии показывают, что оценка психотерапевтом своей работы сплошь и рядом бывает сильно завышена по сравнению с оценкой клиента или, тем более, независимого эксперта.

В области терапевтической деонтологии прославленный юбиляр постоянно применял двойные стандарты. Будучи сам человеком щепетильно порядочным в том, что касалось отношений с клиентами, он особенно

не осуждал многочисленные случаи нарушения профессиональной этики, совершаемые коллегами. Знаменитая история К.Г.Юнга и Сабины Шпильерейн – первый крупномасштабный случай сокрытия факта соврашения пациентки – был лишь одним в большом ряду подобных дел.

Так что, воспевая на каждом шагу идеалы профессиональной честности, он, мягко говоря, не мог претендовать на то, чтобы воплощать этот идеал собственной персоной.

Вообще ранняя история психоанализа, при более глубоком ознакомлении с нею, легко может вызвать ассоциацию с повествованием о тоталитарной секте. Это – история, переполненная мрачными нездоровыми сюжетами. На каждом шагу – самоубийства и прелюбодеяния, интриги и склоки, разрывы и надрывы (Мекаччи, 2004).

Он не терпел иного мнения

Формируя профессиональное сообщество, отдавая этому делу много сил, *Дедушка*, опять-таки, далеко не всегда вел себя достойно. Различие в научных взглядах означало для него повод для почти неизбежного личного разрыва. Возле себя он терпел только людей преданных лично ему и его идеям. Полное отсутствие интеллектуальной толерантности, как мы знаем, привело к многочисленным расколам в психоаналитическом движении и послужило основанием для возникновения многочисленных новых методов. Основатели этих методов во многом воспроизводили те же нормы поведения, которые усвоили на его примере, иначе говоря, не выносили инакомыслия. По-настоящему положение стало исправляться лишь с формированием общего психотерапевтического поля, образованием «надшкольных» институтов, особенно национальных и международных объединений психотерапевтов, принадлежащих к разным направлениям.

Без преувеличения – *невыносимому авторитаризму этого человека мы обязаны исключительно своеобразной историей психотерапии*. Все знают, что она развивалась – и в значительной мере продолжает развиваться и сейчас – не как единое поле знания, а как неупорядоченная сфера знания и практик, разрозненная, «разобранная» по школам и направлениям. Новые открытия не являются вливаниями в общий капитал, но рассматриваются как поводы для создания «собственного дела».

Нареканий в адрес создателя психоанализа можно выдвинуть еще немало. Посмотрим лучше, что же он сделал на самом деле, чтобы, как выражался Н.В.Гоголь: «... закусить дерьмо конфетами» (Ермаков, 1999, с.181).

Он построил все здание

Большинство проблем, которые обсуждаются в психотерапевтическом сообществе, отчетливо и наглядно были сформулированы, как правило, в классическом психоанализе. Это не значит, разумеется, что другие школы не дают нам никакого оригинального материала для анализа. Фрейдизм – и как учение, и как движение – является образованием, структурно наиболее богатым среди психотерапевтических школ. Неудивительно, что в большинстве случаев, когда мы разбираем тот или иной элемент структуры психотерапевтического знания, мы, естественно, устремляем свой взор туда, где данный элемент появился впервые, и в большинстве случаев обнаруживаем себя в лоне психоанализа. Правильное понимание значения психоанализа, на мой взгляд, не в том, чтобы рассматривать его как *самостоятельный метод*. В этом, самостоятельном своем качестве, психоанализ испытывает давний и глубокий кризис. Объем психотерапевтической работы, выполняемой сегодня психоаналитиками, по разным данным, составляет от 5 до 20 % от общего ее объема. Основная историческая заслуга Фрейда заключается именно в создании *базисной опорной структуры* для всего корпуса психотерапевтического знания.

История психотерапии – история построения «ряда различий» по отношению к текстам Фрейда. История любого метода начинается с психоаналитического детства – далее следует восстание против авторитета учителя, которое завершается синтезом – созданием собственной школы, пронизанной враждебным по отношению к психоанализу пафосом.

Он создал большой словарь

Профессия философа, как нам разъяснили Ж.Делез и Ф.Гваттари (см.: *Делез, Гваттари*, 1998, с.25-48), заключается в производстве концептов. Величайший производитель концептов, Фрейд в достаточной мере позаботился о таком важном деле, как создание словаря. Большая часть этого словаря оказалась принята как научным сообществом, так и за его пределами, и вошла в строй современной научной и, частично – обиходной речи. Мы не можем обходиться без «проекций» и «сублимаций», «комплексов» и «либидо», «первичных и вторичных процессов» и всего прочего. Неважно, что многие концепты введены не самим *Дедушкой* и многое придумано не им. Они стали исключительно востребованными именно благодаря отстраненному им интеллектуальному пространству.

Он доказал, что симптом имеет смысл

Без особых преувеличений, Фрейд можно считать одним из отцов современной семиотики. Задолго до того, как в 1916г. Ш.Балли и А.Сеше опубликовали «Курс общей лингвистики» Ф.де Соссюра, Фрейд в «Толковании сновидений» (1899г.) артикулировал различие между манифестным и латентным содержанием сновидения (о семиотической составляющей психоанализа см.: Цанкин, 2004).

Различные ситуации означивания порождают, соответственно, разные результаты семиотического процесса. К ним относятся клинические симптомы, сновидения, оговорки и описки. Процесс давления желания на семиозис приводит к прорывам «в слабых местах». Этими слабыми местами являются локусы снижения контроля – неважно, идет ли речь о трансе сновидения, о невротической слабости, о житейски-бытовой рассеянности. Желание прорывает «место наименьшего сопротивления» и является нам в некоем измененном виде, требующим *расшифровки*. В этом, полагаем мы, суть самого важного открытия, сделанного Фрейдом. Он, как известно, значительно сузил зону поиска «означаемого», но сформировал эту зону как нечто весьма привлекательное. Сексуальное есть не только желанное за пределами психоанализа, сексуальное – важный манок фрейдовской теории.

Все, что было после него в истории психотерапии – это не более чем борьба за «означаемое». Пришлось долго защищать претензии сексуального на первенство в области «означаемого» от властного, экзистенциального и прочего. Но это уже были бои, так сказать, местного значения. Что и как надо делать – показал Фрейд, по поводу чего делать – и он, и все остальные.

Он сконструировал желание

Он отделил влечение от намерения. Для любого другого это значило бы, что его жизнь в науке удалась, для Фрейда же – лишь малую толику на фоне огромного научного деяния. *То, что он сделал с сексуальностью, можно рассматривать как образец для тех, кто хочет заниматься производством концептов в сфере психологии мотивации*. Если бы всем удалось сделать с концептуализируемыми ими влечениями то же самое, мотивационная психология сегодня была бы намного более процветающей отраслью науки.

Итак, теперь мы знаем, что для формирования достойной и многофункциональной объяснительной мотивационной модели надо, в первую очередь, правильно выбрать достойное влечение, то есть влечение, обладающее богатым объяснительным потенциалом. Выбрав, мы должны под-

вергнуть его интенсивной и разнообразной обработке, пропустив через множество тематических сфер, оплетая многочисленными валентными связями, обогащая различными контекстами.

Надо построить богатую конфигурацию и разметить карту, где желание осуществляет свои передвижения и попадает в разные приключения. Надо сделать так, чтобы потребитель такой модели ощущал ее серьезную экзистенциальную значимость. Обязательно следует проработать такую тему, как *режим формирования образного строя под влиянием желания*. Как уже было сказано, надо описать, как мотивация давит на процессы семиозиса, формируя «означающее», ставя себя при этом на позицию «означаемого». Крайне важно иметь в виду «обходные пути», которые желание ищет и находит, чтобы так или иначе реализоваться.

Сексуальное превратилось в универсальную метафору. Создан ряд вполне определенных «означаемых», не менее востребованных, чем все остальные. Эротическое присваивает множество иных смыслов, занимается производством шифров, претендующих на некую тотальность. Так, например, говоря об унижении кого-либо, мы прибегаем к образам кастрации, ситуация соревнования шифруется в духе фразы «меряться длиной члена» и тому подобное.

Сексуальное сегодня может выступать и как «означающее» сплошь и рядом. Снявшийся пациенту фаллос или коитус (а не какой-нибудь зонт и подъем по лестнице) может репрезентировать иные скрытые смыслы, нуждающиеся в расшифровке.

Он начертал карту психики

По его инициативе, *психика перестала быть однородной и автономной*. Понимание структуры личности как гетерогенного образования сегодня является если не общепринятым, то уж, во всяком случае, доминирующим.

Тема «частей личности», как мы знаем, – одна из самых распространенных среди сочинителей школьных теорий. Со времен разграничения психики Фрейдом на сознание, бессознательное и предсознательное (равно как и Я, Сверх-Я и Оно) множество авторов шло тем же путем. Примером может служить наполненное архетипами «коллективное бессознательное» К.Юнга, состояния Я у Э.Берна, «истинное» и «ложное Я» у Д. Винникотта и К. Роджерса (этот перечень далеко не полон). История психотерапии подтвердила: членение на части является с точки зрения практики крайне сподручным делом. Разделение однородной, на первый взгляд, психической реальности открывает исключительно богатые возможности как для теоретического сочинительства, так и для технического вме-

шательства. Это очень распространенный вид «размещения» теоретического капитала.

Итак, некая, относительно автономная от сознания и воли человека, внутренняя его часть, зачастую имеющая вполне определенные, «порочно-запретные», склонности, которой позволено желать то, что возбраняется желать целостному индивиду, – вот что, видимо, помимо прочего, лежит в основе привлекательности этой темы. Если бы психологи всегда описывали и разбирали только «разумные» и «добропорядочные» части личности, то этот предмет такого интереса к себе не вызвал бы. Фрейд, разместивший в «Оно» именно «дурные» желания, определил, на наш взгляд, длительный и устойчивый интерес к этому предмету.

Но с этого членения, не в последнюю очередь, начинается все то, что привело к концепции «кризиса субъекта» в современном гуманитарном знании и соответственно нынешнего кризиса автономности субъекта. Именно здесь началась «смерть субъекта», «смерть автора», зафиксированная исследователями последней трети XX века, но это все – тема для другого разговора.

Он объяснил, что надо разрушать и строить связи

В нашем исследовании² мы попытались редуцировать все психотерапевтические операции к двум основным видам: *конвинкция* и *дизвинкция*. Так что теперь операция по разрушению связей будет обозначаться термином *дизвинкция*, по построению связей – *конвинкция* (лат. *vincō* – связывать).

Конвинкции, лежащие в основе стратегии аналитической терапии, не являются сами по себе законченными и самодостаточными действиями. Когда мы пытаемся выстроить связь между симптомом и травматическим событием, которое детерминировало этот симптом, то понимаем, что данное построение связи не является самоцелью. Оно, в свою очередь, направлено в конечном итоге на разрыв того, что мы сочли патологической связью.

Например, установленная связь между симптомом и первичной травмой сама по себе разрушает связь между тем же симптомом и ситуацией, в которой он манифестирует, скажем, при фобическом неврогическом расстройстве. Конвинкция, таким образом, выступает как субститут дизвинкции.

² А.И. Сосланд – «Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии», М.: Логос, 1999.

Но мы все это лишь описали задним числом и, как могли, проанализировали. *Дедушка* же это изобрел и начал применять первым.

Он подарил нам глубину

На глубине лежит нечто первичное, исходное, что определяет некие существенные черты предмета, личности, чего угодно. Основу этих взглядов составляет следующее представление: чем больше мы спускаемся к первоистокам, тем в большей степени сталкиваемся там с явлениями, которые помогают нам прояснить суть и закономерности процессов, с которыми мы имеем дело в настоящем. *Чем первичнее, чем глубже, тем важнее для нас тот или иной феномен.* Чем в большей степени он отодвинут в прошлое, тем более сильное влияние он оказывает на настоящее. Этим тенденциям развития психотерапевтических теорий в наибольшей степени соответствует известная археологическая метафора, уподобляющая психоанализ раскопкам древних цивилизаций.

Как и многое другое в психологии, первый раз это представление ясно и выпукло проявляется у Фрейда. Смысл длительной и трудоемкой терапевтической процедуры, помимо всего прочего, – углубление в мир раннего детства, поиск первотолчков, первопричин, коренящихся, по замыслу аналитика, именно там. Впечатления, имевшие место там, у истоков влечения и тогда испытанные, травмы, тогда же полученные, накладывают свой отпечаток на всю последующую жизнь. Все, что имеет отношение к началу, истоку, влияет на человека всю оставшуюся жизнь.

Именно у Фрейда, как ни в каком другом подходе, мы имеем дело с фабрикацией «глубины». *Глубокое* формируется разными путями; как показывает опыт функционирования психоаналитических концептов, часто – через сокрытие и вытеснение. Существенная часть *глубокого* сформирована запретами. *Глубокое*, таким образом, отчасти есть нечто такое, что следует скрывать.

Глубокое в какой-то степени коррелирует с «низким». Не случайно и с тем, и с другим мы встречаемся при движении «вниз». Пространственное сходство порождает и идеологическую близость обоих концептов.

Глубинно-ориентированный дискурс задает особую оптику. Это *оптика недоверия и подозрения*. Наивный поверхностный взгляд не может «заглянуть за», обнаружить скрытое. Это доступно только взору со специальной профундалистской настройкой.

Глубинно-ориентированный дискурс связан с особым отношением к тайне. За поверхностностью, за «покрывалом Майи» есть что-то недоступное взгляду, ребус, подлежащий разгадке. Те, кто в состоянии его разгадать, – «хозяева» глубинно-ориентированного дискурса, – являются одновремен-

но обладателями неких незаурядных возможностей, вкупе с определенной привлекательностью.

Глубокое, как показал нам Фрейд, так или иначе сформировано прошлым опытом. Поиск глубинных причин тех или иных событий связан с «ракоходными» путешествиями. Мы удаляемся в прошлое именно за глубиной, обнаруживаем печальное, постыдное, запрещенное.

Он породил совсем нового ребенка

Точнее, снял с его образа ханжескую завесу и постарался исследовать то, что было скрыто. Пробудил огромный интерес к детству, благодаря чему мы имеем и теории привязанности, и семейную психотерапию. Не Фрейд, разумеется, был первый, кто говорил об инфантильной сексуальности, но именно он говорил об этом так долго и упорно, а, главное, осуществил столь интересную стратегию концептуализации этого дела, что в итоге все лавры и пинки достались именно ему.

Инфантильное предстало перед нами не просто как наполненное сексуальным содержанием, а так, что не осталось места ни для чего другого. Резервуар чистоты и аллегория возвышенного – малютка – превратился в агрегат, состоящий из эрогенных зон. Каждая из зон актуализировалась в определенный промежуток времени, играя в этот промежуток особую роль в отношениях ребенка с миром. Неадекватное обхождение с этой зоной вело к патологическим последствиям.

Инфантильная сексуальность определена Фрейдом как *полиморфно-перверзная*. Ребенок оказался не просто испорченным, а испорченным многократно и разнообразно.

Особый гнев вызвали его труды по концептуализации анальной эротики. Сексуальное – куда еще ни шло, но соединить это дело с чем-то совсем грязным и обмазать такой «удвоенной грязью» чистое дитя – было самым сенсационным «преступлением» Фрейда против морали в ряду всех остальных.

Он столкнул нас с Другим

В основе симптома, проблемы, болезни всегда находится некий Другой. Без него, того, кто ограничивает возможности, или сам агрессивно покушается на будущего клиента, ничего бы не было.

«Другие», с точки зрения психоанализа, всегда «ведут себя дурно», провяляя недостаток любви, агрессию, а главное, ставя преграды на пути осуществления желаний протагониста. Клиент, протагонист истории болезни никогда не сделает. Он – жертва и никто другой. История болезни предполагает, что кто-то так или иначе сделал что-то такое, что привело нашего пациента к болезни и потом его с этой болезнью – к нам, терапевтам.

Он избрал новый тип отношений

Невозможно себе представить, чтобы какая-либо иная гуманитарная практика шла в сравнение с психоанализом по степени *проникновения в интимное пространство личности*. Соответственно, никакая другая практика не может сравниться и по степени формирования особых тесных отношений. Эти отношения пропитаны интенсивным эмоциональным напряжением, непонятно, где кончается терапия и начинается желание. Среди психоаналитиков распространено мнение, что как раз там, где кончается желание, кончается и терапия. Иначе говоря, перенос и его анализ зачастую есть более важное дело, чем анализ феноменов находящихся вне пределов терапии. То и дело клиент норовит перепутать интимную аналитическую близость с интимной как таковой, и по этому поводу постоянно идут разбирательства в сообществе, фабрикуются драконовские запретительные правила, которые, тем не менее, повсеместно нарушаются.

Конечно, речь идет о том, что любовь к терапевту появляется неизбежно, или, по меньшей мере, с высокой степенью вероятности. Разумеется, мы здесь не можем не видеть один из мощных мотивов, толкавших терапевтов на то, чтобы поменять «медь» гипноза на «золото» психоанализа. Где, собственно, сыщешь еще такую терапевтическую практику, когда тебе заранее обещана любовь пациента, причем эта любовь рассматривается как неизбежная часть рабочего процесса и более того – залог его действенности?

Конечно, часто мы имеем дело и с разными видами негативного переноса, но не он, ясное дело, определяет привлекательность профессии и сам по себе не имеет такого резонанса.

Он соткал матерью психологии

Именно благодаря Фрейду появился своеобразный дискурс, полный психологических подробностей, тонкостей, оккупирующий огромный пласт переживаний, не замечавшихся ранее, не артикулированных до *Дедушки* иными авторами. Он поднес огромное увеличительное стекло к тому, что раньше не замечалось, и настоял на том, чтобы не закрывать глаза ни на что, что под этим стеклом будет обнаружено. Психическая жизнь превратилась в огромный «сад расходящихся тропинок», пространство, где мы сталкиваемся с невероятно разнообразным и тонким материалом.

Прошлое стало пониматься как огромный массив полузабытых, смутных воспоминаний. Душевная жизнь в целом обрела совершенно иной статус – она стала богатой, масштабной, очень значительной самой по

себе и при этом впервые предстала как объект научного исследования. Психика, ее благополучие превратилось в самостоятельную ценность, требующую надзора, попечения, причем как никогда раньше стало ясно, как это надо делать.

Он принес нам много свободы и как терапевт...

До Фрейда были, собственно, две большие психотерапии, гипноз и так называемая рациональная. В первом случае авторитетный, интеллектуально совершенный гипнотизер волевым действием вкраивал в пациента некое предписание, во втором такой же терапевт разьяснял ложные умозаключения. Фрейд внес в работу психотерапевта радикальную либеральную коррекцию.

В психоанализе интенсивно стимулируется *собственная активность пациента*, т.е. растет удельный объем *дискурса пациента в общем объеме текста*, порождаемого в процессе терапии. Терапевт не задает целиком, а только направляет речь и действия пациента, которые в той или иной степени носят спонтанный самостоятельный характер, при обсуждении же максимально стремится к равному с пациентом «праву голоса» в оценке происходящего, а то и вовсе этой оценки избегает.

В сущности, эти изменения начались со знаменитого предложения говорить «*все, что приходит в голову*». «Молчаливый» психоаналитик сменил «многословного» гипнотизера, отдав пациенту существенную часть терапевтического пространства.

Более того, терапевт в новой ситуации стремится как можно меньше демонстрировать свою профессиональную компетентность, которая дает ему всяческое превосходство над пациентом. Он перестал быть абсолютно уверенным в себе источником интеллектуального и волевого превосходства, все более становясь как бы «просвещенным» пациентом, которому помогла данная терапия, чем он, собственно, и хочет поделиться со своим товарищем по несчастью, не вкусившим пока еще удовольствия от терапии. Трудно не заметить глубокую внутреннюю связь между требованиями обязательного пациентского опыта для терапевта и попустительски-нестеснительного отношения к клиентам в разных психотерапевтических подходах. Естественно, что, делая себя самих клиентами на определенный срок, психотерапевты будут склонны к формированию предельно безболезненного рабочего процесса.

В психоанализе произошло изменение отношения к симптоматике. Симптом отныне перестал быть объектом, подлежащим уничтожению. Аналитик пытается проникнуть в его смысл, оправдывая в известной степени его наличие или даже обосновывая его полезность как проявле-

ния защитных или компенсаторных механизмов организма и личности в целом.

С другой стороны, история психотерапевтического дискурса, начиная с психоанализа, может быть представлена как история борьбы с неким фактором, препятствующим реализации желаний клиента. В самом деле, влияние некой препятствующей силы на развитие невротических расстройств стало основной темой не только в сфере психоаналитических теорий, – в той или иной редакции «либеральные» дискурсивные ходы присутствуют и в теориях других направлений. Например, неофрейдистская либеральность проявляется, в частности, в известном патогенетическом концепте «тирания долженствования», предложенном К.Хорни. Эта «тирания» проявляет себя различными предписаниями, которыми невротик аранжирует свой жизненный мир, делая его невыносимым для себя самого же.

Если бы мы попытались так или иначе описать самое общее действие, осуществляемое психотерапевтами, то это будет борьба против факторов, которые связаны с неким препятствующим, подавляющим, ограничивающим началом. Этот фактор может помещаться «снаружи», может быть интериоризован. *Дерепрессия* – так следовало бы обозначить основную психотерапевтическую стратегию, осуществляемую тем или иным образом в самых разных парадигмах. Все психотерапии должны гарантировать клиенту некое пространство свободы, и его защищать.

... и как социальный мыслитель

Речь в его трудах, на самом деле, шла не столько о сексуальности как таковой, сколько о репрессированной сексуальности. Он был одним из тех, кто задал тон в деле формирования *дерепрессивного дискурса* в европейской традиции. До него «дерепрессия» жила в пространстве социально-ориентированного дискурса, формировалась и обогащалась социальными философами – от утопистов-социалистов до Карла Маркса. Под его руководством она «переехала» в иную сферу, а именно в «психическое» и там прописалась надолго и основательно. Борьба с репрессией оказалась делом не только группы людей – класса, сообщества, но и отдельно взятого индивида, который приходит за освобождением к другому индивиду – аналитику.

Сексуальные революции, вообще либеральная сексуальная политика обрели научную легитимацию, или, по меньшей мере, видимость таковой. Линия от Фрейда – через Райха и проч. – к Маркузе и другим идеологам революции 60-70-х гг. несомненна.

В современных условиях оживления консервативной идеологии как реакции на распад семьи, кризис рождаемости и пр. все эти идеи выглядят весьма сомнительными, порой даже «вредными» (связь сексуальных революций с кризисом семьи – общее место в сегодняшней социологии и политической публицистике). Но, тем не менее, они, несомненно, остаются идеями, которые формируют сегодняшнюю социальную реальность, и отмахнуться от них не представляется возможным.

Он заложил основы системы обучения

В наши дни нет такой психотерапевтической школы, где образование не состояло бы из трех элементов: клиентского опыта, супервизии и теоретической выучки. Нет, конечно же, иной терапевтической практики, где требовался бы такой опыт смирения, как в психотерапии. Нет такой терапевтической практики, приобщиться к которой можно только за собственный наличный расчет.

Что бы ни говорили статусные психоаналитики, все это представляется довольно нелепой и, безусловно, унижительной ситуацией. Нет, и, конечно, не может быть никаких научно выверенных соображений в пользу того, что психотерапевт, имеющий собственный клиентский опыт, будет эффективнее того, кто его не имеет. Именно *Дедушке* (как, впрочем, и Юнгу, который предложил это первым) все психотерапевты обязаны длительным унижением (необходимостью многолетнего анализа в отсутствие клинических показаний к нему) и неоправданно большими денежными расходами в начале своей карьеры.

Не в последнюю очередь благодаря этому своеобразному образованию, психотерапия является *самостоятельной профессией*, а вовсе не «довеском» к психологии или медицине.

Он создал уникальное сообщество

Именно тема, артикулированная Фрейдом особенно отчетливо, сексуальность, сказала на своеобразии профессионального сообщества в психотерапевтическом мире. Благодаря своей «сексуальной» ориентированности психоанализ стал исключительно скандальным явлением культуры. Уровень этой скандальности существенно превосходил все, что имело место до него. Никакая научная доктрина, включая дарвинизм, не приводила к столь мощной ответной консервативной реакции.

Атмосфера враждебности по отношению к раннему психоаналитическому сообществу имела также и еще один аспект. Во всех известных биографиях Фрейда обстоятельно и подробно обсуждается «еврейский вопрос». Известно, что, помимо *Дедушки*, большинство психоаналити-

ков первого призыва были еврейского происхождения. Не один Фрейд был глубоко убежден в том, что именно еврейское происхождение психоанализа создало его детищу еще большие трудности. Массированная и длительная агрессия, которой подвергся психоанализ, привела и к обратной реакции – первые психоаналитики сомкнули ряды, сформировав, как уже было сказано, что-то вроде «тоталитарной секты». Но важно также и то, что эта секта носила в себе и черты научного сообщества, и со временем деформировалась именно в эту сторону, становясь понемногу все более уважаемой и легитимной.

Психоаналитическое сообщество было объединено в жесткую структуру, с твердым этическим и дисциплинарным кодексом. Перед лицом внешней агрессии, реальной или преувеличенной, первые психоаналитики тесно сплотились, и поэтому были беспощадны к диссидентам. Можно думать, что, собственно, этим двум факторам – «сексуальному» и «национальному» – психотерапевтическое сообщество в значительной степени обязано своим своеобразием.

Мы предприняли попытку описать это своеобразие (см. *Сосланд, 2004*). Причем попытались сделать это посредством мотивационного концепта, показав, что психотерапевтические школы в значительной степени встроены в несколько другой ряд, чем многие другие научные сообщества.

Помимо всего прочего, крайнее своеобразие развития психотерапии заключается в длительном «внеуниверситетском», в сущности, маргинальном существовании, и это обстоятельство наложило некую неповторимую печать на все стороны психотерапевтической жизни. Особенно интересным ходом в признании психотерапии стала традиция апеллировать «поверх голов» научного сообщества к мнению непрофессионалов, в первую очередь гуманитарной и художественной интеллигенции. Именно эти сообщества делят с психоаналитиками основную ответственность за распространение психоаналитической доктрины по всему миру.

Он дал миру новый тип духовного лидера

Известен путь, проделанный психоанализом. Общим местом стало известное утверждение, что он превратился из специального лечебного метода в мировоззренческую систему. Обвинения Фрейда в том, что психоанализ «не терапия, а новая религия», набили оскомину. Здесь речь идет не столько о захвате чужих идеологических пространств, сколько о тенденции внутреннего роста или инкорпорирования метафизических дискурсов в психотерапевтическое поле. По известному речению Л.Витгенштейна, «Философ лечит вопрос: как болезнь» (*Витгенштейн, 1994*,

с.171). Собственно, Фрейд, как никто другой обнаружил терапевтическую составляющую культуры, жизни вообще. В любом житейском действии, в любой культурной практике есть терапевтический смысл. Есть, спать, смотреть театральные спектакли, играть в футбол и т.д. – все это, помимо прочего, значит заниматься психотерапией.

Именно в силу этого обстоятельства, из-за универсальной имманентности психотерапевтического действия, присущей большинству культурных практик, происходит доктринальное расширение психотерапии. Производство концепций, изначально обслуживавших клинично-терапевтические потребности, легко разрастается до размеров, позволяющих обрабатывать этими концепциями несравненно более крупные идеологические пространства. Благодаря *Дедушке* авторы всех позднейших методов приобрели возможность начать не с лечебного метода как такового, а с развитой метапсихологической доктрины. Сообразив, что все равно после Фрейда так и или иначе придется обзаводиться школьной «философией», все создатели школ решили, видимо, не терять понапрасну времени на преодоление пути из медицины в философию.

Психотерапевтические теории, как и философские системы, по выражению Э.Блоха, являются «руководствами для пророков», «системами теоретического мессианизма». Безусловно, они отражают отнюдь не только потребность в концептуальном постижении мира пациента и природе его страдания (хотя об этом, конечно же, тоже не стоит забывать), но и, как уже сказано, центробежно-властное стремление сформировать собственное идеологическое поле.

Он отдал искусство на растерзание психологам

С 60-х годов XIX века психиатры обратили свои взоры к искусству и культуре. Произошел этот поворот после публикации книги Ч.Ломброзо «Гениальность и помешательство».

На рубеже XIX-XX веков в патографию пришли психоаналитики. Фрейд обратил свое внимание на соответствие между невротическими расстройствами и образным строем художественного произведения. Акцент с «морфологии» был перенесен на творческую продукцию, а с диагноза – на внутреннюю структуру психики. Психоаналитическая патография обыгрывала изоморфизм структуры семейных отношений и сюжетов ряда литературных творений. То, что в 1910 году было названо Эдиповым комплексом, обнаружилось не только в пьесе «Царь Эдип» Софокла, но и в «Гамлете», «Братьях Карамазовых». Поток литературы психоаналитического направления образовал широкое русло, сам Фрейд

не утратил интереса к патографическим исследованиям до конца своих дней.

Спротивление психоаналитическому вмешательству в искусство, равно как и психоанализу самих художников, – тема, имеющая широкое хождение. Традиционные представления о «творчестве», как принадлежащем к пространству «возвышенного», находятся в явном противоречии с «заземляющими» психоаналитическими тенденциями. Известны почти комические опасения поэтов потерять свой творческий дар в результате психоаналитического лечения (подобное рассказывали об А.Ахматовой и Р.М.Рильке).

Он сделал психотерапию Большим проектом

Психотерапевтический процесс стал предприятием с уникальным статусом. Этим делом стали заниматься долго. Удельный объем психотерапии в индивидуальном экзистенциальном объеме, его отрезок в расстоянии отдельно взятого жизненного пути стали исключительно большими. «Психолог» в общественном сознании чаще всего ассоциируется с психотерапевтом, университетский исследователь в этой области никак не может с ним соперничать.

Душевное здоровье начало выступать важнейшим фактором политики в обществе. Если говорить по существу, Фрейд вообще сделал понятной связь жизни в целом и душевного здоровья в частности, привлек внимание к этой связи. Как бы он ни трактовал эти отношения, *влияние жизни на психику* первый исследовал именно он.

Сталкиваясь с враждебным миром, будущий пациент не находит способа обрести свои смыслы, реализовать свои возможности. Так, в семейном кругу репрессируются первичные влечения, общество стремится нивелировать личностное своеобразие. Окружающий мир сам по себе проявляет агрессию в адрес индивида (доводя его, в том числе, до посттравматического стресса). Вполне естественно, исторически сложилось так, что терапевт выступает в роли как бы адвоката по отношению к пациенту, и прокурора – по отношению к окружающему его миру.

В самом деле, зачастую психотерапия мыслит себя как часть некоего крупного проекта по переустройству общества. Эта традиция, как и многое другое в психотерапии, заложена психоанализом. Она начинается с фрейдовских поздних метапсихологических текстов, таких как «Массовая психология и анализ человеческого Я», «Будущее одной иллюзии», «Неудовлетворенность культурой». Психотерапевты имеют претензию (не лишнюю, конечно, определенных оснований) вмешиваться в круг проблем крупного социального пространства, находящегося за пределами их

непосредственных профессиональных интересов, в сфере, издавна отданной на откуп философам, социологам и пр. Культуркритический (и культурстроительский) пафос – слишком заметная позиция в структуре психотерапевтического знания, чтобы ее игнорировать.

Большой проект в психотерапии всегда сформирован в духе оппозиции клиента и окружающего мира. Для психотерапевта важно разглядеть, что же именно в культуре является наибольшим патогенным фактором.

При таком расширении психотерапевт делает заявку на идеологическое влияние в совершенно иных размерах. Таким образом, терапевтическая, она же школьная, идеология выходит за собственные профессиональные границы. «Неудовлетворенность культурой» сама по себе существенно увеличивает размеры идеологического пространства психотерапии.

Он сделал психотерапию желанным делом

Внепрофессиональный резонанс психоанализа несравним ни с какой другой отраслью психологии. Если мы возьмем и сложим вместе всех остальных крупных психологов, то их суммарное реноме (вместе взятых) – за пределами профессионального психологического круга вряд ли сможет приблизиться к фрейдову уровню, при том что заслуги некоторых из них вполне соизмеримы с заслугами Фрейда. Правда заключается в том, что именно *Дедушка олицетворяет собой персону психолога, психотерапевта для множества непрофессионалов*. Именно это следует считать важнейшим политическим преимуществом психоанализа.

Сегодняшнее положение психотерапии в мире внушает чувство восхищения. Для многих тысяч молодых людей эта профессия сделалась желанной целью. Карьера практического психолога для сегодняшнего выпускника психологического факультета является намного более привлекательной, чем исследовательская работа. Наблюдается огромный приток в психотерапию из других профессий, в то время как обратное движение – очень незаметное. Именно психоанализ сделал «лечение духом» объектом честолюбивого вождения, предельно привлекательным местом размещения и производства интеллектуального капитала.

Крупнейшие психотерапевтические школы превратились в огромные транснациональные империи. Эти империи располагают образовательными учреждениями, печатными изданиями и т.д. и т.п. в самых разных странах. Психотерапевты объединены в многочисленные ассоциации и союзы, психотерапия приобретает все растущее признание со стороны университетской науки и государственных органов здравоохранения.

Став объектом пристального интереса общества, психотерапия получила весьма многое для себя. Психотерапевт стал «сверхэкспертом», глав-

ным героем ток-шоу, востребованным советником при власти и деньгах. «Князь» и «купец» зовут его в свои чертоги намного охотнее, чем историка или филолога. Фрейд сделал первый мощный, многое определивший, шаг к созданию сегодняшней могучей психоиндустрии и рынка психологических услуг.

Он создал науку странную и двусмысленную

Психотерапия вообще (и психоанализ, в частности) пребывает в поле напряжения между двумя полюсами. Противопоставление номотетического подхода (генерализирующего) и идеографического (индивидуализирующего) в контексте классификации наук давно стало общим местом. Проблема здесь в том, что эти оба подхода сталкиваются на одном поле. Психотерапия не может фундировать себя как естественнонаучная дисциплина, ибо уникальность любой терапевтической ситуации под влиянием множества факторов не уместается в рамки, подходящие для операционализации и количественного исследования. В ней практически невозможна ситуация «экспериментальной воспроизводимости». С другой стороны, психотерапия функционирует в режиме терапевтических дисциплин, где требуется соответствие критериям полезности, эффективности, отчетности. Всем этим, собственно, и определяется своеобразие и противоречия в психотерапии как науке, практике, а также внутри профессионального сообщества.

Он создал главный пример для подражания

Став объектом мощнейшего переноса, Фрейд, как магнитом, притянул к себе множество проекций, в том числе и негативных. *Imitatio Freudi* – стало важнейшим делом для всех психотерапевтов. Вовсе не только для тех, кто занимается психоанализом.

Подражать Фрейду сегодня отнюдь не значит заниматься психоанализом. Подражать Фрейду сегодня значит – творить новый метод и наращивать вокруг него новую школу. Заниматься производством нового мифа и утверждением новаторского ритуала. Тратить на формирование сообщества столько же усилий, сколько на производство метода, как это делал *Дедушка*. Быть источником оригинального дискурса большого стиля, любой ценой стремиться стать держателем нового символического капитала.

Теперь мы без него – никуда

Elle ne vous lache plus... Так называется известная книга Франсуа Рустана (*Roustant*) о психоанализе, и в названии ее заключена глубокая

правда (если не говорить о критическом по отношению к психоанализу содержании этой книги).

Фрейд оставил нам в наследство множество противоречий, на разрешение которых уйдут годы. Психоанализ – удивительный феномен, который несет в себе интенсивные властные практики и в то же время ориентирован на обретение свободы. Сообщество психотерапевтов сочетает в себе черты научного сообщества, но при этом также и черты совсем иного вида объединений.

Психоанализ давно вошел в нашу интеллектуальную жизнь так плотно, что трудно найти крупного мыслителя в XX веке, который прошел бы мимо его влияния.

Столько прорывов, сколько совершил этот человек, столько открытий, сколько он сделал, столько концептов, сколько он произвел, – деяние огромного масштаба. Нет тому другого примера, чтобы основатель некоей науки сделал в ней столь много, что остальным остается, по большей части, уточнять и редактировать.

Можно сколько угодно отыскивать просчеты в его концептуальных стратегиях, перегибы в практике, но мы всегда будем сидеть на берегу этого огромного озера мысли и, не переставая, оттуда черпать – идеи, подсказки, импульсы, вызовы...

ЛИТЕРАТУРА

- Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1: Пер с нем. – М.: Гнозис, 1994, с.174.
- Ермаков И.Д.* Психоанализ литературы: Пушкин, Гоголь, Достоевский. М.: Новое литературное обозрение. 1999. – 512 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? Пер. с фр. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
- Лакан Ж.* Имена-Отца. Пер. с фр. М.: Изд-во Гнозис; изд-во Логос, 2006. – 160 с.
- Мекаччи Л.* Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа. Пер. с итал. – М.: Смысл, 2004. – 183 с.
- Сосланд А.И.* «Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии». М.: Логос, 1999. – 367 с.
- Сосланд А.И.* Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества // Московский психотерапевтический журнал. №2 (40). 2004, с.21-43.
- Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта. – М.: МГППУ, 2004. – 199 с.
- Roustang F.* Elle ne vous lache plus... P. 1980.